

Кого из смоленских князей, с именем Андрея, следует разуместь под названием «святой Андрей Переяславльский и Смоленский чудотворец»?

О святом Андрее Переяславльском, пришедшем в Переяславль-Залесский из Смоленска, сохранилось так мало данных, что трудно определить, кого из смоленских князей с именем Андрея надо видеть в святом Андрее Переяславльском и Смоленском; в зависимости от этого возникает неопределённость и в указании на время жизни святого Андрея и год его смерти. Тем не менее в 1890 году, 27 октября совершено было *500-летнее* празднество со дня кончины его.

с. 143

Руководились тогда, при определении означенной цифры годов, словами «Жития» другого переяславльского святого, преподобного Даниила, истолкованными преосвященным Филаретом, архиепископом Черниговским в его книге: «Русские святые, чтимые церковию» (Отделение III, октябрь 27 день, издание 1865 года). В этом Житии говорится, что преподобный Даниил, который родился в 1459 году, вырос в Переяславле-Залесском, был потом игуменом переяславльского Троицкого монастыря, — исходатайствовал у тогдашних властителей открытие мощей святого Андрея Переяславльского по поводу чудесных видений, бывших ему от святого Андрея, и по поводу ветхости Никольской церкви, при которой погребён был означенный святой. При этом преподобный Даниил сообщал, что ещё Московский князь Иван Васильевич III имел великое уважение к имени святого князя Андрея, скончавшегося в образе пономаря и привратника храма Николая Чудотворца, скрывшего своё княжеское звание во время жизни своей в Переяславле и только при смерти обнаружившего своё происхождение чрез хартию, найденную в его руках, на которой было написано: «*Азъ есмь единъ отъ князей смоленскихъ; зависти же ради и крамолы отъ братій моихъ оставилъ княженіе, домъ и отечество мое*».

Иван Васильевич III, современник Даниила, приехавши в Переяславль, из почтения к святому Андрею был в упомянутом Никольском храме и взял в Москву «на благословение своему дому» золотой перстень и княжескую цепь, найденные по смерти святого Андрея на его теле вместе с веригами и сохранявшиеся до этого времени в означенном храме. А за это назначил священнослужителям Никольского храма «ругу», то есть годовое жалованье. Преподобный Даниил сообщил ещё, что в его время никто уже не помнил святого Андрея, даже престарелые; но «за много лет пред сим» (писал это преподобный Даниил в 1539 году, когда хлопотал об открытии мощей святого Андрея) ранее совершалась ему служба, существовали стихиры и канон ему, изображался и лик святого на иконе.¹ «Ныне же, — добавляет преподобный Даниил, — не знаю, почему такой угодник Божий предан забвению и не чествуется подобно другим?»

с. 144

*Писарев, С. П. Кого из смоленских князей, с именем Андрея, следует разуместь под названием «святой Андрей Переяславльский и Смоленский чудотворец»? / С. П. Писарев // Труды Ярославского областного съезда (съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области). — М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1902. — С. 143—150.

¹«Образ святого, иже от древних лет на иконе написан, показуя (показывали Даниилу), такоже и стихиры и канон ему составлен в древних книгах яве быша» (Летопись). В «Иконописном подлиннике» о святом Андрее сказано: «подобием рус, главою плешаст, брада — аки Никиты мученика, ризы княжеские; в руке крест, а в другой меч» (у Барсукова: «Источники русской агиографии» 1882 года, стр. 286).

Из этих данных получается вывод, что святой Андрей жил раньше Ивана Васильевича III, умершего в 1505 году, и раньше преподобного Даниила. Выходя из этого положения, архиепископ Черниговский Филарет стал искать по *Родословным спискам* (это следует отметить) князей смоленских с именем Андрея и нашёл только двоих, живших прежде великого князя Ивана III: во-первых, *Андрея Владимировича*,¹ сражавшегося на реке Калке, там он и убит, — следовательно: не окончил жизнь подвижником в Переяславле. Идя далее в своих поисках, он нашёл другого Андрея, жившего в 14-м веке, именно: *Андрея Фёдоровича*, князя Фоминского и Ржевского (отрасль смоленских князей от Давида Ростиславича), прозвание ему было *Коробья*. На этом князе, при определении личности святого Андрея, преосвященный Филарет и остановился. Здесь следует заметить, что по древней родословной книге князей (смотри: «Русские святые», 267 страница) у этого Андрея Коробья значится сын Фёдор, который из Фоминска «во Тверь пришёл», то есть переселился.

Преосвященный Филарет рассуждает так:

Отец князя Андрея Коробья, князь Фёдор слепой Фоминский, был современником великому князю Симеону Гордому, умершему в 1353 году. В то время смоленское княжество, при умножении князей смоленских, раздроблено было на мелкие части: не удивительно, что при дележе достояний произошли ссоры между родичами; конечно, в это же время и блаженный князь Андрей (разумеется Коробья), наскучив тревогами жизни и их нравственною тяготою, скрылся из Смоленска, чтобы в неизвестности совершать подвиги благочестия. Время этого князя недалеко от времени великого князя Ивана III, так что до последнего легко могли сохраниться перстень и цепь первого. По таким соображениям *кончина* князя Андрея Фёдоровича (Коробья) последовала не ранее 1390 года. Около того же времени полагается и кончина святого Андрея по рукописным святцам.

— Это же соображение воспроизвели, следуя за архиепископом Филаретом, составленные ко дню празднования 500-летия святому Андрею брошюры: 1) «Сказание о жизни, подвигах и обретении мощей святого Андрея, благоверного князя Смоленского и Переяславльского Чудотворца» (Москва, 1890 год); 2) «Святой благоверный князь Андрей Смоленский и Переяславльский чудотворец» (губернский город Владимир, 1890 год).

Рассмотрим, насколько удобно сблизить 1390 год с годом смерти упоминаемого святого, также — удобно ли сблизить имя Андрея Коробья с именем святого Андрея Смоленского и Переяславльского? Будем говорить сначала только относительно года.

с. 145

Нужно напомнить, что преподобный Даниил сам лично уже не видал святого Андрея, не знал и о времени, когда святому составили службу: всё это было до него. Но спрашивается: намного ли удалён 1390 год от времени жизни преподобного Даниила, до пострижения в монашество называвшегося Димитрием? Если преподобный Даниил, как выше означено, родился в 1459 году, то между той и другой датой будет всего только 69 лет. В течение этого количества лет должны были последовать и кончина блаженного, и прославление его, и составление ему службы, и наконец то, что стали забывать святого; а ко времени жизни преподобного Даниила даже отлагать составленную службу святому. При всестороннем обсуждении данных необходимо приходишь к заключению, что невозможно было всему этому совершиться в такой короткий срок.² А преподобный *Даниил* уверяет митрополита и властителей, что *в его время никто, даже из престарелых, не помнил святого князя Андрея*. Следовательно, он жил до них — престарелых людей, иначе до 1390 года.

Преосвященный Филарет выставил причину, вследствие чего он останавливается преимущественно на 1390 годе: «время князя Андрея Фёдоровича Фоминского не далеко от времени великого князя Ивана III, так что до Ивана Васильевича III легко могли сохраниться перстень и цепь святого Андрея». На это можно сказать, что в том храме, где особенно чтит святого князя, — там его княжеские атрибуты, по особому уважению к святому, как важные биографические свидетельства его (особенно в противоположение веригам, которые носил святой, и которые тоже сохранялись тут же), могли уцелеть и в более долгий период времени.

¹Надо бы его назвать Мстиславичем, потому что он был сын Мстислава Романовича Старого.

²Правда, к означенному числу надо приложить небольшое количество лет младенчества и детства Дмитрия, названного в монашестве Даниилом, пока он стал сознавать и помнить всё совершающееся и окружающее его («святой рано отдан был в учение», говорит «Житие» Даниила); прибавим хоть 9 лет; и тогда всё вместе взятое (69 + 9 = 78) составит только 78 лет, что равно возрасту жизни одного престарелого человека. События не могли забыться в памяти народа в такой промежуток времени; сведения о них дошли бы до Даниила и его сверстников от отцов и матерей, если бы при них совершались эти события.

Мы должны упредить, что в рукописных святцах, на которые указал архиепископ Филарет, именно: Отенский список и другой, хранящийся в Историческом Обществе № 231, сообщается, что «святой Андрей Переяславльский преставился в лето 6800» от сотворения мира, то есть в 1292-ом году. Означенную дату преосвященный Филарет игнорировал, передвинувши время смерти святого на целые 98 лет. Насколько состоятельно такое приурочение года смерти святого — скажем после. А теперь будем следить за сближением имени святого Андрея Переяславльского с именем Андрея Фоминского Коробья.

Князья Фоминские, хотя и происходят от князей Смоленских, но ко времени 1390 года стали обособляться от князей последующих, прямых преемников смоленского престола. До князя Андрея Коробья сменилось уже 6 поколений потомков Смоленских князей, начиная с великого князя смоленского Давида Ростиславича, родоначальника Фоминских; и после Давида никто из предков Андрея Коробья не сидел на княжении в Смоленске, да и рассчитывать на это они не могли за отдалённостью родства от прямой ветви и за многочисленностью других, ближайших преемников. Эта ветвь Фоминских князей сосредоточивала свои интересы только в пределах ей доставшихся владений, удалённых от Смоленска; за отдалённостью их от центра, Смоленска, на них стали иметь виды и Москва, и Тверь, и Литва.

с. 146

В сношении с названными княжествами им пришлось быть самостоятельными, интересы их со Смоленском разошлись: так что они обособились в название князей Березуйских, Фоминских, Ржевских; а от них ещё более изолировались ветви князей Полевых, Крюковых, Корповых (вероятно, Коробовых, от Андрея Коробья), Травиных, Курдимовых, Мухиных, Собакиных, Толбузиных. Иные из них стали искать покровительства и служить Литве: в «Похвальном слове Витовту» («Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», 1885 год, книга 9) говорится, что «ему служили князья удельные, например: Ржевские даже и до Фоминска». Иные тяготели к Москве, например Фёдор Красный из рода Фоминских, собственно князь Березуйский, умерший в 1387 году. Некоторые, поступая в бояре этих государств, утратили и своё княжеское звание.

Между тем святой Андрей на хартии пишет: «Азь есмь единъ отъ князей смоленскихъ; зависти же ради и крамолы отъ братіи моихъ оставилъ княженіе, домъ и отечество мое». А в службе ему говорится следующее: «град твой Смоленск яко чужд имея, водворился еси в Переяславле». (Тропарь глас 2-й). Очевидно, святой Андрей был князь специально смоленский, и выделяет себя не из отдалённых родственников, удельных князей, а из ряда своих только смоленских братьев, которых было несколько, и они вели крамолы против него в городе Смоленске; так что ему пришлось оставить и княжение смоленское и дом княжеский, в котором он жил, — оставить родину.

Фоминский князь Андрей Фёдорович Коробья не мог о себе так говорить; не могли о нём говорить и другие, что Смоленск его родной город, ибо, как выше было сказано, он имел свои особые владения. Известно, что в бывшем городе Фоминске (ныне село Фоминское городище, лежащее в Зубцовском уезде, при слиянии рек Вазузы и Осуги) существовал дом князей Фоминских, где, конечно, и жил Андрей Фёдорович. Это и есть его «отечество», а не Смоленск. Притом следует заметить, что Андрей Фёдорович владел своим Фоминском бесспорно, ибо, как видно из «Исследования княжеств Фоминского и Ржевского» (Квашнина Самарина), у него (Андрея Фёдоровича) братьев не было; значит — не могло быть и «зависти и крамолы», ради которых бы он мог уйти в Переяславль. Ушёл из Фоминска, как мы видели уже, его сын, и то не по «зависти», а потому, что не хотел, вероятно, подчиниться Литве. — Изложенное, на мой взгляд, довольно убедительно доказывает, что Андрей Фёдорович не может быть назван святым Андреем Смоленским и Переяславльским.

Ещё присоединим самое главное: в службе святому Андрею Переяславльскому восхваляется его *девство*, например, в тропаре глас 8-й говорится: «чистоту сердца девством почтил еси, суету мира сего презрев, устремился еси зрети Бога». А Андрей Коробья был женат и имел, как мы видели, сына Фёдора Андреевича. Это уже окончательно лишает возможности сближать Фоминского князя со святым Андреем Переяславльским.

* * *

Я решил подтвердить вышеприведённую древнюю дату 2-х рукописных святцев, упоминаемых архиепископом Филаретом, которая (дата), кстати сказать, подтверждается ещё рукописью: «Книга о российских святых, в коем граде, монастыре, в пустыне поживе и чудеса сотвори и так далее». В этой «книге» говорится то же, что и в Отенском списке: *святый благоверный*

с. 147

князь Андрей Смоленский и Переяславльский чудотворец преставился в лето 6800-е (то есть в 1292-ом году, а не 1390-м); обретены мощи его в лето 7048-е.

Преосвященный Филарет рассматривал имена князей только по «Родословным спискам», проверяя их по летописям; но так как не мог найти ни одного князя с именем Андрея из ветви смоленских, сколько-нибудь подходящего по времени к этой цифре лет: то естественно, что он отстранила эту дату, предположив вышеуказанную, то есть 1390-й год. Я же, подтверждая древнее, традиционное свидетельство, основываю своё исследование главным образом на одной из грамот (договор смоленских князей с немцами), на которой уцелело имя другого князя Андрея, более раннего, чем Андрей Коробья. Грамота эта давно известна в исторической литературе, но на неё не было обращено надлежащего внимания. Она составлена в 1284 году, очень близком к подтверждаемой нами дате смерти святого князя Андрея Переяславского. Грамота была написана смолянами к рижскому епископу и ратманам, а на ней подпись: «ту был на место на княжи на Фёдорово Андрей Михайлович князь».

Этот князь Андрей, неизвестный ни по изданным до сего времени летописям, ни по родословным книгам (потому и не попал в исследование преосвященного Филарета), был, несомненно, князем смоленским, ибо подписывается на грамоте смолян. Так как о нём доселе ничего не было известно, то надо уяснить эту личность и указать место в среде других смоленских князей. Из подписи его на грамоте видно, что у этого князя Андрея отец был князь Михаил; но Андрей проявляет себя в Смоленске во время княжения Фёдора. Если проверим эти факты по истории, то увидим, что в означенный на грамоте год 1284-й, действительно, главным князем смоленским числится Фёдор Ростиславич с 1280 года по 1297 год; а перед ним княжил в Смоленске его брат Михаил Ростиславич (1278—1280 год), — это, с несомненностью, есть отец Андрея, ибо другого князя с именем Михаила, от кого бы мог Андрей произойти, не было в эту эпоху в среде смоленских князей; Фёдор же Ростиславич приходится дядею названному князю Андрею Михайловичу. Таким образом, Андрей Михайлович был второстепенным князем, что видно и из его подписи под грамотою; а это обстоятельство отчасти послужило причиной тому, что летописи о нём умолчали. Но как отец его занимал некоторое время великокняжеский смоленский престол, то он с полным правом мог называть себя смоленским князем. Эти биографические данные говорят то самое, что сказал о себе в своей хартии святой Андрей Переяславский и Смоленский.

Как же племянник мог подписаться за дядю великого князя, да ещё на таком важном документе, как сношение с другим государством — Ригой?

Для уяснения этого вопроса мы должны обратиться к биографии Фёдора Ростиславича. Так как она общеизвестна, то мы выделим из неё только несколько сведений, касающихся вопроса об Андрее Михайловиче.

с. 148

У Фёдора Ростиславича было несколько братьев: Глеб, Константин, Михаил и наконец сам Фёдор. Он был ещё малолетним, когда старший брат, Глеб Ростиславич, взшёл на отцовский стол. При дележе владений братья обидели Фёдора, дали ему только бедный город Можайск. Виноват в этом был, конечно, Глеб, старший в роде, заправлявший смоленского областью и имевший уже детей: Александра, Романа, Святослава и, кажется, Ивана. Действуя в ущерб Фёдору, Глеб имел в виду наделить волостями своих детей. Это не могло не возбудить в Фёдоре Ростиславиче чувства недовольства к брату Глебу и его детям. Случилось, однако, чрез несколько времени так, что Фёдор Ростиславич, вследствие женитьбы своей на ярославской княжне, получил себе в княжение Ярославль; сюда он и переселился из Можайска и полюбил Ярославль. Из Ярославля ему пришлось два раза путешествовать в Орду вместе с другими князьями на помощь монголам для их завоеваний на юго-востоке. Фёдор Ростиславич, мужественный князь, высокого и статного роста, отличился там доблестями и очень понравился монголам, так что ему едва удалось оттуда выйти. Между тем брат его Глеб Ростиславич, смоленский князь, умер 1278 году, успев наделить сыновей своих волостями. По смерти Глеба место смоленского князя, по праву старейшинства, занял отец Андрея — Михаил Ростиславич. Видимо, этот князь был больной, ничем не проявил себя, не ездил даже в Орду за ярлыком на княжение; вероятно, помогал ему в деле управления княжеством сын его Андрей. На втором году своего княжения Михаил и помер.

Фёдор Ростиславич должен был занять смоленский престол на правах единственного оставшегося дяди среди племянников. Он явился в Смоленск. Но для закрепления себя на этом втором важном престоле он должен был получить утверждение хана, а для этого опять отправиться в Орду. В Смоленске же должен был посадить вместо себя наместника...

Кому было временно поручить княжение, как не племяннику Андрею, проживавшему после смерти отца в Смоленске, тем более что отношения его к другим племянникам от брата Глеба были менее родственные?! Таким образом, Андрей Михайлович, за отсутствием главного князя, будучи меньшим в роде, распоряжался как старший: в то время он и подписывал за Фёдора грамоты. Это не могло не возбуждать зависти в двоюродных братьях, сыновьях Глеба. К тому времени Фёдор Ростиславич овдовел и вновь женился в Орде на дочери хана, был у него в великой чести и прижился там; хан дал ему во власть многие города. Обо всём этом знали на Руси и в частности в Смоленске; а племянники могли думать, что Фёдор, женившись в Орде, не возвратится в Смоленск, тем более что у него от второй жены-татарки появились уже дети. Между тем Смоленск, наследие старших племянников, остаётся под управлением Андрея, и положение его с каждым годом всё упрочивается по доверию к нему Фёдора, а не по родовому праву. При таких обстоятельствах могли возбуждаться не только зависть, но интриги или крамолы, даже не исключительно лишь против Андрея Михайловича, чтоб отнять у него наместничество, но и против Фёдора, чтобы лишить его самого и детей его Смоленского престола, ибо он живёт не в Смоленске, а в Орде; к тому же имеет множество других владений, кроме Смоленских. Хотя о крамолах в отношении Андрея летописи не дают данных, ибо не упомянули и о самом Андрее Михайловиче; но в отношении Фёдора Ростиславича враждебные действия Глебовичей очевидны по крайней мере из последующих фактов. Так, в 1286 году Роман Глебович в отсутствие Фёдора «напал на Смоленск, пожёт посад, волости и сёла половеа» (летопись). Причину некоторые источники выставляют ту, что Роман хотел отложиться от Смоленска; а может быть, существовала и другая причина, например: отнять у Фёдора Смоленск в свою пользу или для других Глебовичей. А Александр Глебович в 1297 году, обманом завладев городом Смоленском, отложился от Фёдора и сделался самостоятельным князем Смоленска, хотя Фёдор ходил на него войною.

с. 149

Ещё в начале 1284 года, как мы видели, Андрей Михайлович подписывается на грамоте в Ригу, а в середине означенного года Андрея уже не оказывается на месте Фёдора в Смоленске. Станный факт! Куда он девался и что с ним случилось? Приблизительно в конце того же года явился из Орды сам Фёдор Ростиславич. И как не явиться, когда в Смоленске нет наместника?! В своём присутствии Фёдор разбирает дела, творит суд, между прочим по поводу распри о гирях или «колоколе» между немцем Бирелем и русским купцом Артамоновичем; составлена была грамота по этому поводу, из которой видно, что Фёдор Ростиславич обвинил несправедливость русского купца. А в подписи на этом документе (1284 года) фигурирует уже другой наместник, *боярин Григорий*. Очевидно, Андрей Михайлович окончательно оставил должность и удалился из Смоленска; Фёдору пришлось заместить опять себя лицом даже не княжеского рода, ибо из Глебовичей никого не хотел поставить на этом месте.

Эти данные об Андрее Михайловиче, извлечённые из истории княжения Фёдора Ростиславича, вполне гармонируют с данными о святом Андрее Переяславльском и Смоленском.

* * *

В самом деле, вспомним, кто такой был Андрей Михайлович. Несомненно, один из рода князей смоленских. Смоленск был для этого князя его «отечество», как тогда выражались: там же находился и дом, где он жил вместе с отцом и во время отсутствия Фёдора, заменяя его место; Андрей подвергался зависти и крамолам со стороны своих братьев двоюродных, то есть испытывал то, что несомненно подтверждается хартией святого Андрея, подвижника Переяславля-Залесского, и церковною службою этому святому. О семейной жизни Андрея Михайловича не сохранилось никаких данных; думать надо, что он был не женат, потому что он, как мы видели, не попал в родословные списки: если бы у него было потомство, то нельзя было бы прервать последовательность в родословном древе упоминанием о потомках, исключив предка; следовательно — он был холост. Это соответствует выражению в службе святому: «чистоту сердца *девством почтил еси*». И время жизни Андрея Михайловича совпадает со временем подвижника Переяславского. Остаётся нам сделать вывод следующий: в обоих случаях это одна и та же личность. Таким образом, сведения из жизни святого Андрея Переяславского сообщают нам новые данные о смоленском князе Андрее Михайловиче и обратно.

* * *

В заключение следует сказать: если, уклонившись от точно определённой даты, означенной древними записями в Святцах, расширить объём обозрения князей с именем Андрея вплоть до 15 века, как сделал это преосвященный Филарет, то кроме троих упомянутых в нашем

с. 150

изложении князей Андреев можно найти ещё не менее 6 князей с тем же именем, соприкасающихся по родству со смоленскими. Я производил эту кропотливую работу; но в данном случае расширять пределы статьи бесполезною выпискою сведений о князьях Андреех, чтобы при сближении их со святым Андреем получить о каждом отрицательный вывод, — я нашёл утомительным и излишним.

Возражение на наше исследование может возникнуть в указании на «Житие и терпение святого Андрея», где говорится, что он подвизался в Переяславле в образе пономаря Николаевской церкви около 30 лет. У нас же выходит, что он жил в Переяславле не более 8 лет (с 1284 — по 1292 год). На это следует ответ такой: упомянутое «Житие и терпение святого князя Андрея, смоленского и переяславского чудотворца» есть сочинение довольно приукрашенное и относится к гораздо позднему времени. Его составил тот, кто написал житие преподобного Даниила, конечно, после открытия мощей этого преподобного мужа. В древнейших же записях и службе святому Андрею означенного указания нет. Если уже ко времени жизни преподобного Даниила, как мы видели, стали забываться биографические подробности святого князя Андрея, то — можно ли верить в точность хронологического показания, дошедшего до автора «Жития» преподобного Даниила путём устной передачи через три сотни лет?